

Владимир Березин, директор эколого-культурного центра “Бахмат”, одной из самых старых общественных организаций Донецкой области. Журналист газеты “Провинция” - первой независимой газеты Донбасса, которая работает с 1990 года.

Назовите самые важные факты вашей жизни, которые привели вас в публичную сферу.

Главный факт - моя личная встреча с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Которая состоялась в 1989 году в Москве. Я попал на заседание межрегиональной депутатской группы. Там Сахаров выступал. И потом в очереди за одеждой в гардеробе я стоял за ним, и мы говорили. Я озарен этим человеком, и я считаю, что я должен заниматься тем, чем я занимаюсь.

Какие этапы в вашей жизни повлияли на вас больше всего?

Я родился в городе Бахмуте, мой отец, дед и прадед - бахмутчане. И это очень повлияло на меня, потому что я - коренной бахмутчанин. А Бахмут - это древний центр нашего края. И не какой-то Донецк, которому 100 лет. Бахмут - это 500 лет. И я вырос в семье, в окружении в городе, где люди смотрели на вот этих всех донецких как на американцев, которые приехали в наш край, тут наделали шахт всяких, убили всю природу, настроили каких-то... А Бахмут - это древний культурный, духовный и торговый центр. Там промышленности не было, и поэтому мы смотрим на всех этих донецких, как на американцев. И это очень сильно повлияло. Я с детства занимаюсь краеведением, я - глава Союза краеведов города Константиновки, где я сейчас проживаю, и вхожу в областную организацию. Это дало мне толчок, потому что отсюда я стал заниматься экологией. То есть не просто любить и знать свой край, а и защищать его. Это дало базовые вещи. И мы смогли очень многое в своей работе, в работе организации “эко-центр “Бахмат”. Мы защитили от радиоактивных проблем, были и планы захоронения радиоактивных отходов в соляных шахтах. Мы смогли провести большую работу по устранению радиоактивных пятен в Донбассе. И, кроме всего прочего, наша самая главная работа - то, что мы постоянно продолжаем делать - то, что начиналось для меня с демократических вопросов от Сахарова, и сейчас это public participation - то есть участие общественности в решении вопросов своего существования.

Какие темы обсуждались у вас в семье? О чем говорили в советское время?

Если говорить про моих родителей, то у меня был дедушка, который пропал без вести во время войны. Он был коммунистом ленинского призыва. То есть как только умер Ленин, он стал коммунистом, и пошел туда. И он был простым, он работал в экономической сфере, на предприятиях, и никогда не входил в коммунистические дела, но был идейным коммунистом. Папа мой то же самое - был коммунистом, он вступил на фронте. Был четыре раза ранен. И у нас в семье

никогда вопрос не стоял о коммунистической системе. Но были некоторые моменты. Например - город Артемовск, в котором мы жили, и который раньше назывался Бахмут. Мы в семье всегда считали, что это неправильно, что коммунисты неправильно сделали, что уничтожили древнее название "Бахмут", и сделали "Артемовск". Отсюда, из таких маленьких моментов складывалось дальнейшее отношение, и, фактически, моя семья меня поддерживала, когда я выступал за возвращение городу имени "Бахмут". Это сейчас наконец-то удалось. И по всем моим демократическим моментам, потому что мы проводили акции, и занимались с 87 года работой вместе с "Рухом", "Народний Рух України за перебудову" еще тогда был. Моя семья, в общем-то, меня поддерживала, но, конечно же, потом мои мама и папа, к сожалению, перестали... Когда вопрос встал, например, о Голодоморе, я вдруг почувствовал здесь абсолютное невосприятие. Они сказали, что Голодомора не было, это просто был неурожай. Хотя я лично встречался, я делал передачи на местном телевидении, находил людей, которые прошли эти страшные вещи, хоронили своих близких. Но вот здесь был в семье абсолютный стопор, они не воспринимали Голодомор. И, конечно же, не было восприятия Западной Украины, движения повстанческого - тоже, это тоже для них были бандиты, к сожалению... Ну у меня и папа во время войны немножко участвовал, когда он был несколько недель в командировке, и они там в боях участвовали с УПА. И мама тоже... Мама с Харькова, папа - с Бахмута. Она тоже была... Райком комсомола отправлял девочек туда, и она там побыла несколько месяцев, потом убежала. Поэтому они, конечно, были настроены против этого повстанческого движения. Но потом все равно, со временем, все равно - чем дальше Украина была независимой, тем больше приходило понимание и для них, и для стариков, что это - наша история. Была история Советского Союза. Которая, как оказалось, полна брехни. И они соглашались, что полна брехни. Но почему бы им не подумать, что и о Западной Украине брехня была, правильно? Поэтому вот эти вот семейные вещи... Мне, например, было очень приятно, что в 2004 году мои старики, которых, к сожалению, уже нет в живых, царство им Небесное, голосовали за Ющенко. Они всегда были против этих... Хотя они в душе были коммунисты, и оставались атеистами, они никогда не были... Симоненко для них никогда не был... Для них, как для большинства людей, коммунизм - это была религия. Были свои боги. Была своя идеология атеистическая.

Есть ли какие-то примеры из истории Украины, которые вас воодушевили? Или которые служат для вас примером. Если есть, то какие?

Конечно, я для себя открывал многие моменты Украины. Но уже много лет, живя в Донбассе, где много приезжих... Многие выросли в семье россиян, и многие просто ненавидят все украинское. В моем окружении таких было очень много. И поэтому я с конца 80-х годов стал просто собирать конкретные факты по людям - не просто украинцам. Потому что все знают в нашем Донбассе, что Шевченко, Леся Украинка - где-то там, далеко. А здесь никого никогда не было, и нет. И вот я собирал факты, насколько наши люди сильные, отдали жизнь за Украину. Вот факты есть. Олекса Тыхый.. Стус. Это люди наши. Олекса родился, и вырос, и стал украинцем, и умер за Украину, как

житель нашего края. Рядом тут, 2 километра от места, где я сейчас нахожусь, он родился и жил. И так же другие люди. Мыкыта Шаповал. Это просто велетеня духу, министр Центральной Рады. И Данило Шумук, это ватажок Норильского восстания. И тоже колоссальная фигура. Который похоронен рядом с нами в Покровске. Красноармейске. И для меня очень много местных примеров. И Сосюра тот же, величайший поэт, который фактически сформировал... Фундатор литературы Украины 20-го века. Он родился в Дебальцево, вырос здесь, и бегал, и потом приезжал, и все... И вот это для нас пример. Местных, конечно. Но если говорить вообще, конкретные примеры, то сейчас те ребята, которые льют кровь за Украину... Конкретно для меня сам аэропорт, и вот этот подвиг... Это колоссальный подвиг. У меня слов нет, что там происходило, и я был как раз когда здесь захваченные наши места были, я был на Галичине, и я специально собирал всех переселенцев, и мы участвовали в похоронах ребят, которых привозили оттуда. И вот настолько все это во мне, в душе... Сколько мы хоронили, и генерала Кульчицкого, и многих-многих, и подвиг этих людей... И я считаю, что как только мы освободим наш край, то на месте аэропорта мы должны сделать свою лавру, свое место, где открылось небо, и куда ушли наши ребята. Вот это вот для меня действительно подвиг.

Была ли разница между официальной историей Украины, которую вы изучали в школе и в университете, и разговорами дома, среди друзей?

Я вам приведу пример маленький, но феноменальный. Для нас не было вообще истории. Самое главное - репрессии и Голодоморы научили не высовываться. Все. Поэтому если ты пошел куда-то что-то изучать - это ты уже занимаешься политикой. Политикой нельзя заниматься. Сиди тихонько, иначе дадут по башке. Поэтому самое главное - вообще, и у меня в семье так было, - что не высовываться в те времена. А вот в конце 80х - все, уже пошло-пошло, и я очень сильно стал высовываться. А будучи студентом, и дальше я работал, в общем-то абсолютно никаких... Я вообще не знал истории. И я свою историю - своего города, - какие-то моменты свои, ну в основном - пионерское движение, какие-то комсомольские, коммунистические, герой Советского Союза... История и моего города была закрытая, отчасти обрезанная. Как обычно - были неандертальцы, а потом - "эксплуатация рабочего класса", и революция. Истории до 17-го года "не было". Но можете себе представить? Я уже взрослый человек. Мне было 30. И я путал. К стыду своему, я не особенно любил читать историю. В школе терпеть не мог. Я не помню, что я там учил. Ну получал там свои "4", чтоб меня никто не трогал. У меня было "4" в школе и институте, но я терпеть не мог учить эту историю. И я до 30 лет, к стыду своему, путал 2 "ба": баптисты и бандеровцы. Я их путал! Для меня это было что-то непонятное, и абсолютно другая планета. Я не знал, кто это такие. Баптисты и бандеровцы. Я мог назвать бандеровцев баптистами, а баптистов бандеровцами.

В каком обществе находилась ваша семья в советское время, и чем интересовались люди, с которыми вы общались?

У меня была обычная семья, я закончил Краматорский индустриальный институт. Я был инженер. И у меня, в принципе, была задача... Вот я женился, ушел в армию, пришел из армии - у меня уже ребенок. У меня задача была - работать, и никаких особенных... Ну вот я вошел в эту колею, работал, занимался. Но здесь надо сказать, что, конечно, хотелось самовыражения, хотелось чем-то заниматься. В советское время каждый находил свою отдушину, потому что был очень затхлый воздух, и все эти партийные боссы, особенно в 80-х годах, это было так неискренне, такое страшное... Они выходили на трибуну, говорили "Мы честные!". А сами потом бухали, по кустам девок тягали, и все это прекрасно видели. То есть там не то что двойная, а тройная и пятерная жизнь была. И вся эта брежневская эпоха - брехня на брехне. И дальше - какой коммунизм, о чем мы говорим? Когда шнурков мы не можем купить. И люди, конечно, находили отдушины. И я лично нашел очень хорошую отдушину. Это с 26 до 27 лет когда мне было, я пошел в самодеятельный театр. Мы ставили постановки, и было очень интересно собираться, и мы постоянно ездили по театрам в Киев, Москву, Петербург. И это прикосновение к искусству мне очень много дало. И я, может быть поэтому, не стесняюсь. Я могу выходить на любую трибуну. Я больше 10 лет был в этом самодеятельном театре.

Вы в советские времена общались со священниками? И вообще - как вы оцениваете их роль в том периоде?

До начала перестройки - 85-86 года - практически не общался, помню, что я несколько раз, просто для интереса, заходил в церкви. И у нас главную церковь в Бахмуте развалили. Уже в 65 году, мне было уже 7 лет, и я помню, как ее разваливали, потому что сказали, что они сотрудничали с фашистами, и надо развалить. Но в конце 80-х годов мы создали такую группу, которая требовала возвращения городу Артемовску имени "Бахмут", и, как это ни странно, с нами был священник. И он все время говорил, что он на проповедях выступал за возвращение городу имени "Бахмут". И он говорил, что город был крещен, как Бахмут. Освящен, как Бахмут. А коммунисты тут сделали какой-то Артемовск. И на него там коммунисты наезжали, кричали, что он не имеет права, и он имел много проблем. Говорят, его в КГБ тогда тягали. Но с нами были священники. Но, конечно, на меня колоссально повлияло, что когда мы начали создавать Народный Рух України за перебудову, и стали смотреть, учить гимн, читать историю, где-то 89-90 год, мы поехали в село, которое было недалеко от Бахмута, которое называется Звановка. Там переселенцы с Западной Украины. Лемки, Бойки. Они в 50-м году, когда границу делали с Польшей, оказались на границе, и все село сюда переселили, со своими традициями. И мы поехали туда. И хлопцы, наш Рух, мы взяли тогда желто-синие флаги, еще ж Советские Союз, но у нас уже были, и мы шли с этими флагами, с электрички вышли, и идем по этому селу, и вдруг выходят местные жители, падают перед нами на колени, крестятся, обнимают нас, и я ничего не понимаю. Для меня Украины как таковой, истории, не было. И потом к нам подходит местный грекокатолический священник, обнимает нас, целует, и говорит: "Ми вас ніколи не зрадімо". Вот это вот соприкосновение в Советском Союзе еще, 89-й год, со священниками - да. И я после этого каждое Рождество с 89 года собираю детей, это україномовне

середовище, и мы едем туда встречать Рождество. Сейчас там большой монастырь, собор. И мы туда ездим постоянно, семьи нас принимают. Очень интересно. Вертепы на Рождество. Соприкосновение в советское время с этой религией - это для меня открыло реальную историю Украины. Поэтому были разные священники, но были такие, которые... Был один священник московского патриархата, который потом перешел в киевский. Но я его просил... я знал, что там активно выступал против властей. Я его очень просил, чтобы он пошел в депутаты Верховной Рады. Мы бы его поддержали. Он отказался. Это было в 89 году. А в 90-м, когда его пригласили, горком партии его попросил стать депутатом городского совета, он согласился. А потом он вдруг стал киевским патриархом. Но я считаю, что каждый имеет свою дорогу не только к Богу, но и к Украине.

Почему люди в советское время объединялись в независимые сообщества?

Таких людей называли неформалами. Ну я ж уже сказал: самовыражение. Вот у нас было театральное сообщество. И мы там и читали запрещенные книги, и даже играли потом спектакли, которые были запрещенными. И я выходил на авансцену, я там играл какого-то писателя, и говорил: "Неужели у нас вся земля принадлежит партийным комитетам?!". И весь зал рыдал и хлопал от смелости этих слов. И то же самое - мы создавали политклубы, мы создавали разные структуры, где можно было обсуждать. Очень много выливалось на нас информации. Это был абсолютный разрыв мозга, потому что все привыкли. Столько лет все были в одном, все понимали, что вот так вот все, и, вдруг, совершенно все иное. И поэтому требовалось общение. К нам приезжали люди из "Мемориала", мы находили людей, которые 30 лет провели в лагерях. Они еще живы были, и они это все живьем видели. Мы хотели слушать. Мы поняли: все, что написано - брехня. Практически все. Мы хотели слушать конкретных людей, которые отсидели. Которые боролись за Украину. Которые приезжали из Ленинграда, из Москвы, из Киева в наши города, которые участвовали в разных демократических движениях. Потому что мы знаем: как-никак, а все-таки город Ленинград стал Санкт-Петербургом, его тогда переименовали, был референдум. И мы такой же проводили у себя. И у нас тоже группы были вот такие. Это самовыражение, потому что затхлость воздуха, люди в советское время понимали, насколько нужно искать что-то свежее, и каждый становился тем, кем он... не просто серый винтик системы, а разнообразие. Каждый становился разным. Мне нравилось зеленое движение, кто-то становился националистом, руховцем. Кто-то был просто демократом. Кто-то занимался вопросами экономики Союза предпринимателей, кто-то был в культурологической организации. И это естественный процесс.

Какие книжки, или, может, журналы того времени оказали на вас влияние? Может, какой-то самиздат?

Первое, что еще в советское время - еще 75-й год, например, - я просто прочитал всего Достоевского, особенно его “Бесы”, это абсолютно антиреволюционная вещь, которая всех революционеров показывает такими идиотами и придурками... И потом я читал дневники Достоевского. Я прочитал все его, я стал достоевскоманом. Я решил, что раз нет возможности мне учителей таких независимых, я должен... И мне нравилось. Для меня - это первые книги, которые вырывались из советских шаблонов, это вот эти. А потом, конечно, с конца 80-х годов стала появляться литература, которая просто никогда раньше не появлялась, все ее читали. И Пастернак “Доктора Живаго”, и “Дети Арбата” Рыбака. И “Ночевала тучка золотая”. Вся страна читала одни и те же книги. Вот они выходили в каких-то больших журналах, отдельно, и все читали. Тогда лозунг был, что “читать - интересней, чем жить”. Ну и, естественно, Солженицын, “Архипелаг ГУЛАГ”, и многие другие произведения. И, конечно, все эти вещи были, как говорят сейчас, судьбоносными. Мы по ним учились. Для нас открывалось все это, и мы понимали, что дальше происходит. Потом начали открываться вот уже... Вот читаешь в 89 году Стуса, а вот - он же умер в 84-м. Это вот, сейчас! А вот все, уже ничего не сделаешь. И, конечно, приход, и особенно потом - к украинской литературе, и видно было, как у людей вдруг появляется стопор. То есть, например, вот кто-то перестал воспринимать Солженицына. Кто-то перестал воспринимать украинские исторические вещи про УПА. Вот мы шли одинаково, и вдруг кто-то встал: “Нет, все. Вот в этом плане я - советский человек. Я не хочу это слышать, и не буду, и мне это не надо. Я верю в то, что в советское время говорили”. У каждого был какой-то свой стопор. Все были одинаковые, читали одинаковые книги. Слушали одну музыку. Все абсолютно было одинаково. Но вот потом каждый стал в этом плане разным.

Вы слышали про Революцию на граните?

Ну конечно. Мы ж как раз фактически создали ячейку Руха с 89-го года, и у нас был координационный политклуб, куда приходили все. К нам приезжали из Киева участники этой студенческой забастовки, и наши ребята туда ездили. Я, к сожалению, туда не ездил - не помню, занят был. Но факт в том что мы участвовали в этих вещах, и я помню, когда участники Революции на граните... при помощи канадцев... Это был большой агитпоезд. На автобусах они приезжали к нам, и вот были встречи, они обменивались, мы ездили... А так, конечно, мы смотрели на это, мы поддерживали. У нас тут в это время начиналась свое, шахтерское движение. И поэтому мы смотрели на это уже как на часть общего движения за демократические принципы. За то, что, в принципе, я понимал очень хорошо: это то, о чем говорил Сахаров.

Вы принимали участие в акции “Украина без Кучмы”?

Я был в этом время в Киеве, и я несколько раз был на этих демонстрациях. Шли с транспарантами, я заходил, и все. Я в общем-то во время этого очень активно занимался экологическим движением.

И у нас были свои лидеры. И Партия Зеленых тогда была. Сейчас, конечно, мы повыходили оттуда, она продалась. И мы, как зеленые, чувствовали себя, как часть этих общих демократических движений. Вот это движение, “Украина без Кучмы”, пару раз как раз зеленые поддержали. Тогда ж уже, когда убили Гонгадзе, мы тоже участвовали в акциях протеста как представители зеленого движения.

Вы принимали участие в Помаранчевой революции?

Вся Помаранчевая революция- это все выборы. Мы ходили на митинги. Просто когда начинались только выборы, когда люди еще не выходили на Майдан, я по разным международным программам был наблюдателем от общественности. Моей задачей было работать в комиссии, и показать все махинации, и собирать всю информацию по Донбассу. Вы ж тоже знаете, что происходило. Страшное дело. Какие вбросы, как они все рисовали. И мы тут обеспечивали работу международных наблюдателей. И мы ездили в Киев, и я помню прекрасно, когда только люди вышли. Мы жили в гостинице. И вдруг на первых двух этажах гостиницы всех повиселяли, и туда въехал “беркут”. Спецназ. И автобусы. И мы понимали, насколько серьезно... Была бы команда - и все это было сметено. И мы это очень хорошо понимали. Но мы жили в гостинице вместе с иностранцами, с наблюдателями. У нас были постоянные координационные встречи. И 3 тура выборов. Я полностью занимался выборами. Задача наша... И мы ж понимаем, что у каждого - свои задачи. Меня больше всего поразило... Ноябрь, слякоть, грязь, и вдруг все вышли с оранжевыми шарфиками, в шапочках, и все яркое! Это как удар, знаете, световой удар такой - ба-ба-бах! Это действительно был удар по всем Януковичам, именно визуальной. Это была бомба! Просто классный такой ход.

Какая, на ваш взгляд, была главная мотивация граждан Украины, чтобы принять участие в протестах? Почему они пошли протестовать?

Ну Помаранчевая - это брехня на выборах прежде всего. И брехня этих всех людей, которые рисовали... Люди поэтому вышли, уже невозможно было терпеть. И у нас в Донбассе... Все это прекрасно понимали. Люди абсолютно бесправные, люди не в состоянии ничего в этой жизни... Вся эта машина, все эти суды, прокуратура, милиция... Вся эта прокуратура, органы, чиновники, задавили собой все, и у людей забрали последнюю возможность формировать власть. Ведь вот эта public participation - главное участие общественности - это участвовать в формировании власти. И если это забрали, то все. И люди вышли именно потому, что была брехня, и, слава Богу, конечно, очень сильно Западная Украина поддержала. И Киев поднялся весь. И мы благодарны, конечно, всем. Ну и вот мы видели это противостояние, мы были внутри, и сколько били здесь наших наблюдателей, и какие были проблемы.

Кто был ответственным за политические решения на протяжении Помаранчевой революции со стороны оппозиции и со стороны власти?

Это сложный вопрос, потому что есть равноуровневые ответственные за политические решения. Политическое решение “выйти” - простые люди вышли, и они отвечали за себя. Они просто вышли. Это их шаг, это их выбор. Это абсолютно их политическая ответственность. Они отвечали сами за себя. Они приняли это. Для советских людей во всей этой системе - это очень серьезный шаг. И очень большой риск. Потому что мы понимали, команда “беркуту”, вот вы видите... Через 10 лет оно вот так вот и произошло, людей убивали... А выше - безусловно, вся эта когорта, вся эта система, которая тогда уже постепенно называлась Партией Регионов, скрепленная - Янукович, Ахметов, и тогда, фактически, это продолжатели Кучмы были. Это все - преступная группировка, и она, фактически, должна была нести политическую ответственность. Ну а то, что в 2004 году вверху оказались Ющенко и Тимошенко - это воля случая. Просто в это время и в этом места были они, и других, я думаю, очень трудно было найти. Кем они оказались потом - это уже другой вопрос. Но они смогли все-таки объединить вокруг себя большое количество людей. И я думаю, что, как бы не говорили, что это раскол Украины - нет, это было объединение Украины, и оно продолжалось, и продолжается процесс становления и объединения Украины, который подтолкнула Оранжевая революция. Вот это очень важно.

Кто, по вашему мнению, был лидером протестов?

На уровне Украины - одни, на уровне области - другие, на уровне городов - третьи лидеры. Везде были лидеры, которых время выталкивало. Хорошо, что во время Оранжевой революции появилась молодежь. Олесь Доний... Много очень молодежи появилось. Мои друзья... причем совершенно люди не занимались политикой... Я ж связан с экологией, и была туристическая организация “Компас”, с которыми мы работали, и там был руководитель, и его просто попросили помочь ставить палатки, потому что он - специалист по туризму. И он пошел ставить палатки. И он мне говорит: “Слушай, я загорелся!”. И он стал лидером движения. Потому что человек побывал внутри. Он увидел, что это искренне. Это сильно диссонировало с реальностью, с этой брехней всей. И ты чувствуешь, что это просто порыв такой человека, который против брехни, против того, что происходило. И вот так вот становились люди лидерами. Я думаю, даже у нас, даже в моей организации молодые ребята претерпевали очень большие проблемы. Девушка вышла, с газетами. Местные “Наша Украина”, которые получали зарплату, деньги, им давали газеты, и они это быстренько куда-то прятали, и сами никуда не раздавали. А вот девушка молодая, ей было 19 лет, она увидела это, взяла пачки газет, и пошла в центр города. Ее побили, пачки спалили, но она была лидером. И вот сейчас она тоже у нас активист. Всегда на таких противодействиях рождаются люди, которые становятся лидерами.

Вы говорили, вы помогли иностранным наблюдателям ездить по Украине. Расскажите, почему вы решили заниматься избирательным процессом?

Ну, как я рассказал, я встретимся с Сахаровым. Кстати, мы тогда тоже ездили с театром, о котором я говорил. И я в театре тоже был активистом. Потом, естественно, я стал депутатом городского совета. Я был членом исполкома. И у нас была большая группа, которая этим занималась. То есть вопрос “почему я этим занимался”, с 87 года не стоял. Потому что я все это организовывал. Мы видели, что сверху происходило, и проецировали это на наш город, на наш Бахмут. И там все это делали. Поэтому я как пришел туда... Наша задача была - чтобы наш город не стоял в стороне, чтобы нас коснулись все реформы, чтобы мы понимали, что происходит, пытались влиять, и вовлекали в это людей. Поэтому “почему?” - потому, что я это сам все придумал. Потому, что это все мое. И все, что происходило и происходит на моей земле, здесь, в моем родном Донбассе, в моем родном бахмутском крае - я в стороне ни в чем никогда не стоял. И это - мой осознанным выбор с 87го года. Я просто дал себе клятву... Каждый человек может быть разным. Кто может быть коммунистом, кто будет... непонятно кем, все, что угодно... Но святыня должна быть одна: место, где ты родился и вырос. И нужно служить этой святыне. Вот мой Бахмут - мой родной край. Все. И вот я начал служить так, как я считал нужным.

Какой, по-вашему, была роль самых богатых украинцев во время Помаранчевой революции? И какие именно сыграли главную роль?

Они по-разному себя повели: кто воспринял, кто не воспринял. Некоторые на этом сделали карьеру. Но здесь очень важно понимание географических вещей. К сожалению, до 2004 года наши бизнесмены, крепко стоящие на ногах, тут, в Донбассе, понимали, что происходит, и они сомневались, надо ли поддерживать Януковича. В 2004 году они увидели, что классная ситуация. Все, надо этих ребят скидывать, и “давайте нас, мы - молодые предприниматели, молодые бизнесмены, мы хотим во власть прийти везде. Не хотим Януковича, не хотим Ахметова”. Но потом Ющенко произвел просто феноменальные вещи. Он сказал: “Да, мы тут все делаем, но Донбасс мы трогать не будем. Там Ахметов, давайте договариваться”. И они губернатора сделали нашего, с Артемовска. Председателя райкома партии...

Скажите, какие, по вашему мнению, были цели Помаранчевой революции, и что было характерным для нее?

Еще раз повторюсь. Главная цель Помаранчевой революции - чтобы были честные выборы. И чтобы они прошли реально. И потом, естественно, цели дальнейшие: чтобы все-таки в стране победила демократия. В выборах участвовали все: и судьи, и прокуратура, и милиция. Вот эта связка правоохранительная. И налоговая, и все. Это все огромная банда, мафия, которая правила нами долгие годы. И Помаранчевая революция попыталась это все скинуть. И цель - именно

изменить систему. Начиная с выборов. Была просто добиться успехов на выборах, то есть все-таки там 3й тур, добились, того, что стал Ющенко, но дальше... Реформы какие-то были, но они не касались Донбасса. Я сам бегал, сам хватал Юлию Тимошенко. Я Жулинского хватал, это вице-премьер по культуре тогда был. Даже Павла Мовчана, Яворивского. Колоссальные фигуры. И они мне все говорили: "Не, ну надо с Ринатом договариваться". Я говорил: "Ну куда ж уже договариваться? Ну вы ж посмотрите". Вот это все, что происходило, и здесь никто не создавал своих ячеек партий, никто реально здесь не работал, все говорили "Давайте договариваться", и все. И Донбасс никто никогда не трогал. Вот оно видно, к чему привело.

Как вы оцениваете вовлечение зарубежных политиков в урегулировании конфликта Помаранчевой революции? И роль каких иностранных политиков заслуживает внимания?

Я видел - Квасьневский приезжал. Поляки у нас были очень активные. На выборах было очень много их наблюдателей. Я их возил. И они были удивлены, что у нас в церквях раздают календарики с Януковичем. Они были просто ошарашены. Поляки ж понимают, что такое храм, что такое церковь. И вдруг у нас церковь агитирует за Януковича. Я так отдельно сейчас не могу сказать, но вот чисто по странам - поляки были очень активны, и мы им очень благодарны, и чувствовали их поддержку. Это 100%. Я лично возил по Донецкой области несколько групп поляков, и журналистов, и наблюдателей, и они очень много видели, и возмущались, и это в конечном итоге, кстати, легло на стол организации ENEMO - это международная организация по контролю выборов. И то, что дальше легло на стол в прокуратуру, и в европейские суды... На это все повлияло.

Что кроме того, что вы уже назвали, разочаровало вас в Помаранчевой революции?

Разочаровало все. Во-первых, потому, что Донбасс они не трогали. А во-вторых - не трогали коммунистов. Все эти ребята тут бегали, кричали, что "да здравствует Ленин", и вовлекали в это своих детей. Не были затронуты базовые моменты. И нас это очень печалило. Понятно, что нужно заниматься экономикой. Но мы видели, что теряется Украина, уходит. Вот это разочарование. Хотя Ющенко был, в общем-то, доступен, и я не виню Ющенко, потому что на тот период другого у нас не было, и объединиться мы могли только вокруг него.

События Помаранчевой революции привели к смене политической системы в Украине? Может быть, частично сменили? Или если взять результаты выборов 2010 года - они укрепили олигархию?

Результаты выборов 2004 года, и сама Помаранчевая революция, показала, что люди все-таки что-то могут. Обычно все опускали руки, и говорили “а, бесполезно”. И вдруг добились. Добились, чтоб был третий тур выборов. Увидели, что эта система задрожала. Что ее надо давить, и этим надо заниматься. Я вошел во многие структуры - и Харьковская правозащитная группа, и лично с Евгением Захаровым знаком. И мы работали по правам человека. И Хальсинкая спилка. И в этом плане, конечно, при Ющенко было проще. У нас создавались громадські ради. При, прежде всего, милиции областной. И у нас были такие мобильные группы, мы ездили, нам везде открывали, и СИЗО, и против пыток. Тогда вот это все более-менее пошло. Вот этого мы добились. И мы почувствовали, нам дали почувствовать, как это может быть. Оказывается, ничего страшного, когда Шустер, когда дискуссии... Нормально, каждый, что хочет... Мы почувствовали, что такое свобода слова. Это не значит, что все орут, все брешут, и поэтому все утопает в дерьме. Нет! Свобода слова - это нормально! И мы это почувствовали, и нам это очень много дало. Это нам дало уверенность в том, что мы - на правильном пути, и мы четко видим, что это - нормальная жизнь, а все остальное - ненормально.

Какие были основные причины протестов Евромайдана, 2013-2014 годов?

В принципе это было очень близко к тому, что происходило в 2004, именно по тому, что натворил Янукович, потому что уже была создана очень жесткая система. Опять же: брехня в судах, брехня в прокуратурах, в милиции. Вот эта жесткая система подавляла все. И это вообще была имитация государства. На самом деле это была мафия, банда, которая правила. Конечно, когда Майдан начинался, 30 ноября, когда побили студентов... Для меня лично вообще все было понятно. Я до этого был в Харьковской правозащитной группе против пыток и жестокого обращения. И мы знаем, что такое “маски-шоу”. Это вот эти ребята, “беркут”, все вот эти подразделения, им открывают колонии, им открывают тюрьмы, и они идут - в масках, с дубинками, - и лупят всех так, что обязательно 5-7 человек выносят, трупы. Зато это профилактика. Зато все понимают, что надо молчать. Надо на зоне молчать, в тюрьме надо молчать. Понимаете? И мы видим то же самое. Абсолютно! Есть даже какие-то видео о том, как абсолютно те же методы... И все! И тогда Янукович признал, что этот “беркут” нарушил права, но ничего не предприняли. И люди вышли вначале конкретно за европейскую интеграцию, а потом уже нет! Потом люди вышли уже против этой махины, против этой системы! Прежде всего - правоохранительной, которая занималась такими нарушениями. И поэтому люди все вышли. И я считаю, что ... Мы видели, что происходило здесь, и в наших городах мы проводили Евромайданы, и мы видели роль той же милиции, и тех же судов, и прокуратуры. Как они фальсифицировали дела, хватали людей. Мы видели, что это - протест, прежде всего, против самой разложившейся государственной структуры. И прежде всего - правоохранительных органов.

Политический кризис можно было решить иначе, чем акциями протестов на Майдане?

Было два варианта: или протесты, или нормальные выборы. Нормальных выборов нам не давали, поэтому мы должны были протестовать. Все! Другого варианта не было, надо было выходить. И я благодарю Бога, что у нас есть такой кусок Европы, который... Россия все время забывает, что ... "вот, вы, Украина, мы с вами - один народ, мы с вами - одна история". Россия все время забывает, что огромный кусок Украины - это Прибалтика, это как Польша, это Западная Украина, которые были меньше под Советским Союзом, и они ближе к Европе. И слава Богу, что у нас есть такая часть, и мы сейчас стали нею. Мы - абсолютная Галичина по всем мировоззрениям. И здесь сами ребята с Западной признают, что здесь реально сейчас создается новая Украина, и это объединение настоящее.

Лидеры протестов были склонны к договариваться?

Конечно, они договаривались. Мы видели, что договаривались. Мы здесь в городах, в области договаривались. Потому что нужно было координировать всю работу, нужно было планировать, нужно было отвечать на вызовы и на поставленные задачи.

Что вы делали во время Евромайдана?

Во время Евромайдана мы делали Евромайдан здесь. И теперь, когда началась война, нас понимают... Я дважды ездил в Киев, и в палатках там немножко жил. Но мы говорили - ребята, мы будем здесь. Мы считаем, что тут важнее. И теперь это понятно. Мы были в Донецке, когда возникли первые Евромайданы. И я выходил еще до того, как Янукович не подписал евроинтеграцию, я вышел в Донецке на главный Майдан, на голове у меня был кулек, и я речь толкнул в этом целлофановом пакете. Я сказал: Люди, которые сейчас говорят, что нам не нужна Европа, должны подумать, что когда-нибудь они попадут в милицию, на них наденут такой вот кулек на голову, и подключат к одному месту ток. И тогда они подумают, что какие же они были болваны, что они не хотели нормальной жизни по закону, куда мы в принципе и идем - в Европу. А хотели жить дальше в таком пакете, и ток к одному месту подключен. Я помню фотографию, мне прислали мои западные друзья, где-то там попала в американскую прессу, что я жгу портрет Януковича. Я помню, что мы привезли портреты Януковича, и потом сушили его долго, я в библиотеку Крупской ходил и высушивал на батареях этот портрет, и потом мы его жгли. Мы участвовали в этих моментах. Но на Майдане, например, я встретил Новый год, 2014-й. Специально поехал, и встретил с ребятами, с нашими, с Донбасса, с друзьями. Я вхожу и сейчас в Европейскую партию. Наша палатка там была, Европейской партии. Стояла прямо возле почтамта.

Сам Майдан на самом деле был так хорошо организован, как все думают? И как вы оцениваете самоорганизацию Майдана?

Есть какие-то вещи, которые трудно объяснить. Не было там столько денег. Я знаю, как собирали там люди деньги, как люди ездили за свои деньги. Это как в 2004-м году: что-то витало в воздухе. И вдруг оранжевый цвет всех объединил. Вот надел на себя - и все, ты часть общего движения. И то же самое было в 13-м году. Когда Майдан был еще мирным... Ты чувствуешь близость людей по духу. Ты видишь их глаза. Ты слышишь речи. Песни... Ты чувствуешь, что это - просто красивые и достойные люди. И ты находишься в этом сообществе. Это словами очень трудно передать. Потому что Майдан - это очень сложный процесс. И каждый видел, все, что угодно. Кто-то видел, что обгадили все подъезды, кто-то видел, что там - против России, я вообще такого не видел. Я привез на Майдан своего племянника из Мурманска. Он влюбился в Майдан! Единственное, что ему не нравилось - что Новый год, а пить нельзя.

Как на ваше участие в протесте реагировала ваша семья, близкие, друзья?

Меня жена поддержала. Попросили, конечно, чтоб я был осторожней. Мои старики уже умерли, вот когда этот Майдан был. И поэтому у меня в этом плане была поддержка всех моих близких. Проблем не было. Потом у меня появились проблемы с сестрой, с ее семьей. У нас в Донбассе практически каждую семью коснулась вот эта часть, когда пошла идентификация: "Ты за кого? За Россию или за Украину?". Вот тогда вот начались уже проблемы.

Кто во время протестов был вашим врагом и противником?

Как и тут, в Донбассе, враги и противники - это были люди, которые ... Вот я прошел программу против пыток и жестокого обращения, я видел, что творила милиция, что творила прокуратура и судьи, и что вытворяла эта орава. И вся вот это чиновничья братия, она до 13-го года четко... Это вот как есть нацистская партия, фашистская, она виновата в том, что происходило. То сейчас это все четко структурировалось, и это структура называлась Партия Регионов. Четко ясно, кто это, и что это.

Какую роль на Майдане, по вашему мнению, отыграла религия?

Это примерно то же самое, что у меня было в 89 году, когда священники обнимали нас, и говорили "Ми вас ніколи не зрадимо". Я видел священников, которые были в палатках. Которые шли на баррикады. Это, конечно, прежде всего украинские церкви. И протестантские были. И поэтому я считаю, что здесь роль религии очень большая. А вот противовес - это был московский патриархат. Это был абсолютный противовес, и, конечно, это уже закладывалась большая бомба под то, что потом взорвалось.

Какова была роль искусства на Майдане?

Ну сам Майдан - это было абсолютное произведение искусства. Как говорил Ленин, "живое творчество масс". Это была фантастическая вещь. Я вот очень рад, что я побывал на Новый год, и это был праздник духа. Там постоянно где-то читали стихи, где-то - играли на гитарах. Не только на новый год, это было весь декабрь, и январь, до того, как начались убийства. Мы видели, что рождается поэзия, рождается слово. И все это было украинское, и мы все понимали, насколько сейчас идет дух украинский. И, конечно, это все через искусство передавалось. Мы видели и роль Русланы, и наши поэты и певцы, которые стояли не просто на сцене, но и на баррикадах. Это было везде, это было и во всех городах.

Какую роль сыграла история Украины на Євромайдане?

Просто мы тогда видели, что мы творим историю. И мы видели это и тогда, и тогда было четко, ясно и понятно, что это - наша история. И мы - отдельное государство, и мы имеем право на абсолютно свою историю. Нам все равно, что там говорят, у нас Мазепа - герой, у нас есть Петлюра - герой, у нас есть Бандера - герой, у нас есть майдановцы. Тогда, в 2004-м, герои, и вот в 2014-м - герои. Это- наша история. Вот это мы видели.

Какая была роль СМИ и интернета на протяжении Євромайдана?

В 2004 году интернет еще был слаб, хотя у меня интернет с 94го года. И я в 2004-м уже пользовался, конечно, очень активно. Но в 2014 году роль интернета была прежде всего. Это был постоянный прямой эфир. Даже если ты не был на Майдане, ты все равно был на Майдане. И мы это все прекрасно ощущали. И я прекрасно помню, когда первые пошли убийства, это было 9-10 утра, и мы смотрим, как сносят трупы, и я слышу, как поет синица... Это было абсолютное ощущение себя там, хотя я был здесь. Поэтому здесь роль интернета была прежде всего.

Как вы оцениваете политику других государств касательно Украины на протяжении Євромайдана?

Мы ж видели, что приходили лидеры, и поляки нам очень хорошо помогали, и прибалтийские страны, и американцы были, и из Европы. Моя хорошая знакомая очень активно работала. Это Ребекка Хармс, депутат европарламента, она координатор по Украине. Я был у нее в гостях даже дома. Потому что она зеленая, и я зеленый. У них там в соляные шахты хотели радиоактивные отходы засунуть, и у нас. Она была у нас дома, и мы были у нее. Я с ней встречался и на выборах, и мы поддерживали связь. И я видел роль этих людей. Они ходили до самого-самого... Они ходили по палаткам, и беседовали, выясняли. Мы чувствовали поддержку Европы, и Америки, и это было

прекрасно. Конечно, Россия начала потом это все демонизировать, но это проблемы той страны. Которая рисует свою историю, и нас в ней. А мы должны делать свою историю сами.

Как вы представляли себе результаты протестов, и что было вашим наибольшим разочарованием, и что позитивно удивило после окончания протестов?

Наибольшее разочарование - это, конечно, война. Потому что, что ни говори, мы не хотели, чтобы Майдан привел к войне. И на Майдане никто слова не говорил против России. Да, мы говорили, что мы украинцы, и какие-то были там высказывания общеукраинские против москалей. Нам было просто непонятно, и мы надеялись, что наш путь в Европу Россия воспримет как путь прибалтийских стран. Почему бы и нет?

Что позитивно удивило после окончания?

Самое главное произошло на Майдане в 14-м году - это то, что был колоссальный удар по этой машине. Правоохранительной, судебной, контролирующей системе. Это был колоссальный удар. Они там все смотрели на это, и видели, что это на всех уровнях, во всех городах милиция, и судьи, прокуратура, смотрела, и видела, что все. Так, как было раньше, уже не будет никогда. И вот это - позитив, и, несмотря на войну, нормально идут процессы. Болезненные, тяжелые, ну что ж мы хотим. Оно так глубоко все зашло...

Какой момент на Майдане вы считаете переломным?

Переломный момент не только Евромайдана, в переломный момент всей истории Украины, и с чего, фактически, началась война - это когда стали убитых ребят сносить вместе. Переломный момент - это когда стала литься кровь. Было понятно, что все. Рубикон пройден. Назад дороги нет. Это, фактически, начало войны. Так просто, бескровно, не будет. Это - переломный момент, очень тяжелый момент. И, фактически, это длится и сейчас. Столько уже времени, 3 года...

Для украинских протестов, которые проходили волнами, были важны более ранние революционные события в 20-м столетии, или другие какие-то события в истории Украины?

Нынешние протесты, и нынешняя, прежде всего, война, сложила все пазлы воедино. Всю войну украинского народа за независимость, за свой суверенитет, она сложила. И если раньше это было вообще как-то, то теперь-да. Теперь мы все это понимаем, ощущаем, и мы теперь ... настолько

понимаем, что это - продолжение того дела, за которое люди отдавали жизнь... Начиная с 15го века, если не раньше даже. И мы видим, что это все - звенья одной цепи.

Какие из событий, которые произошли в последний период СССР, повлияли на возникновение протестов после 91 года?

Так просто нельзя сказать. Расшатывание СССР и все это дело шло настолько эволюционно... СССР был обречен лопнуть. Я был простым мастером, и мы удивлялись, что все крупные заводы... Первая смена работает, вторая и третья - бухают, и непонятно, чем занимаются. И вся эта экономика уже летела. Все это было обречено, и мы это все понимали. И поэтому какие-то там протестные вещи... Для нас, простых студентов, простых рабочих, мастеров, самый главный протест - это был голос Америки. Мы слушали, и мы все больше верили не тому, что здесь происходит, а тому, что нам говорят западные голоса. Потому что они говорили правду. И мне кажется, что Советский Союз был обречен. И он сам себя взорвал изнутри. И просто люди посмотрели на себя со стороны, и поняли, что сплошная брехня не может продолжаться вечно.

Каким было отношение протестующих и власти к наследию советских времен, и империалистической роли России?

Протестные выступления конца 80-х - начала 90-х не имели никакого отношения к историческим вещам. Это было больше даже экономически. Советский Союз рухнул, и наконец-то разрешили частную собственность, и все надеялись, что все сейчас поднимется, и начнет бурлить-кипеть, и будут заниматься, прежде всего, бизнесом. И у людей будет возможность именно в этом. Но старая система вернулась, и самый главный бизнес - это был бизнес судов, прокуроров и ментов. Мы видели, как у нас в прокуратуру вдруг под выходные приезжал прокурор, и у него огромный был джип, а прицеп был - яхта.

Есть ли какие-то организации в истории Украины, возможно - "Рух", которые особенно повлияли на развитие гражданского общества, и на склонность к протестам после 91 года?

До 91 года мелкие группы в городах - это были дискуссионные клубы, они, в общем-то, вошли очень естественно в народный Рух Украины, и это было классно, это было движение. И оно действительно повлияло на структуризацию, было выделение лидеров, выдвижение людей на выборы. Это была действительно очень сильная штука. Но, к сожалению, хоть не принято критиковать Вячеслава Черновола, но он, фактически, сказал, что Рух в начале 90-х должен прекратить свое существование как общее движение, координирующее, куда входят все партии и

общественные организации, а должна быть партия. И вот это объединяющее начало закончилось. Это плохо. Дальше пошел колоссальный разрыв, и каждый варился в своем котле.

Есть ли, по вашему мнению, олигархия в Украине?

Ну конечно есть. У нас среди тех, кто выезжал в Европу, было откровением, что в таких странах, как Финляндия, Швеция, Норвегия, нет миллиардеров. А у нас люди просто на наших глазах гребли, и на них работала вся правоохранительная система.

Это общепринятые вещи, конечно, но сейчас, если коротко сказать, то раньше проблема была в том, что был один бандит. Вот Янукович, когда пришел к власти, он вернул... У нас он всегда был у власти. И он подобрал под себя... И мы надеялись, что когда пройдет время, и будет хотя бы несколько бандитов. Вот сейчас это время. И когда несколько бандитов, судьи уже начинают думать, кому продаваться, и что можно залететь. И то же самое и правоохранительные органы, и прокуратура. Они уже знают, что нужно быть более осторожным, чем раньше. Это - первый маленький шагочек.

Какое значение во вспышках протестов отыграла коррупция, и в чем суть коррупции в Украине?

Суть коррупции в Украине прежде всего в том, что население отучено участвовать в решении вопросов. Начиная с выборов, и продолжая регистрацией предприятий. Люди не участвуют во всем, все решают чиновники, какие-то структуры. Я приведу маленький пример о борьбе с коррупцией. Например, в сфере экологии по озеленению. Мы смогли добиться того, что меня включили в комиссию по озеленению. Без моей подписи ни одного дерева, ни одного парка не могло быть уничтожено. Вот это борьба с коррупцией, когда общественность допускается к принятию решений и влиянию на ситуацию. Но это как исключение.

Вы можете сравнить ход и значение очередных протестов и их закономерностей в Украине после 91го года?

В 91 году - это то, что назревало очень долго. И оно фактически прошло само собой. Прежде всего лопнула не политическая, а экономическая система. Она уже не могла существовать, и поэтому дальше уже пошло ...и даже вот разбивка по маленьким странам - это тоже решение экономических вопросов, потому что маленькие страны, мобильные, они быстрее решат вопросы экономики. И в этом плане был для нас 91 год, и там он был не таким кровавым именно из-за этого. Потому что давайте выживать. Денег нет. Никакая война не поможет. И никакие идеи. Надо было жить и выживать. Хотя, конечно, кровь была и в Грузии, и война была в Нагорном Карабахе. Но это дальше. И Чечня... А вот то, что было в 2004 году - ... В 91-м году экономическая система

поменялась базово. То есть допустили частную собственность. чего раньше не было. Пошла приватизация, пошли какие-то процессы. Но все равно была брехня, прежде всего - в правоохранительных органах. Я все время говорю про эту составляющую. И это - базовая составляющая для государства. И эта брехня была в 2004 году. Я очень четко помню, когда в 2004 году я был в Донецке, и я видел, как поставили палатки против Майдана в Киеве. Мы удивились, кто-то еще поставил. И причем так организовано. И мальчики молодые, короткостриженные, там все были. И вдруг я увидел, что эти палатки обходит Малышев. Генерал, начальник областного управления милиции. И эти все ребята, оказывается, со школы милиции. Это все было организовано Малышевым. А его должность - заместитель начальника министра внутренних дел. И вот как только побеждает Оранжевая революция - на второй день Малышев уходит работать начальником службы охраны Ахметова. Я это все понимал и прочувствовал. Поэтому у меня никаких вопросов не было, конечно.

Откуда люди знали, как надо протестовать?

Да люди не знали, люди просто не могли сидеть дома. И первый шаг - это выходить. Просто были стихийные митинги, на них кто-то что-то говорил. Какие-то принимались решения: давайте выйдем тогда-то, давайте выдвинем такие-то требования. Были координаторы, были какие-то вещи, но в основном это было исходя из конкретной ситуации. Не было конкретной выбранной концепции, стратегии. Долговременно это или коротковременно. Нет, это были оперативные реакции на какие-то проблемы.

Участие в предыдущих протестах было мотивацией принять участие в следующих протестах?

Ну да, это была репетиция. Мы еще удивлялись, что в 91-м году у нас-то ничего не было в Украине. В Украине никто не выходил. Хотя мы знали, что в 89-м году вся Украина вышла, и хоронила, несла три гроба - Стуса, Литвина и Тихого. И это была реальная акция протеста. Ну потом была Революция на граните...

Почему люди не участвуют в протестах?

Ну во-первых - какие люди, кто и как? У старшего поколения обычно в крови, что за это можно залететь. Что будут репрессии. Старшее поколение - перепуганное. Ну те, которым за 50. Кто помоложе - некоторые просто циники. Они вообще ни во что не верят, и считают, что за этим стоят то олигархи, то американцы, то россияне, и все это бесполезно. И все это покупается и продается. Сколько раз мы были, и нам говорили, что "вас купили!". Вот кто купил? Я выхожу, и знаю, что меня никто не купил. Какие вопросы? Это все каждый раз по-разному?

Каким было основное деление между обществом и властью во время протестов?

На самом деле эти волны протестные - это проникновение во власть. Люди тренировались, и они понимали, что из них потом будут депутаты, и здесь активные партии создавались при помощи этого. При помощи акций люди объединялись. Я считаю, что это самое главное. Что по-любому, если ты реально хочешь что-то изменить - ты должен идти во власть. И люди в конечном итоге это понимали.

На кого опиралась власть, и на кого опирались протестующие в своих протестах?

За это время власть опиралась на правоохранительную продажную систему, которая ее обслуживала. А протестующие опирались прежде всего на молодежь. Которая неиспорчена, у которой еще есть идеалы. Которая понимает, что от нее еще что-то зависит. Это была движущая сила - молодежь.

Те, кто протестовал все это время. Кто были эти люди, и каковы были их цели?

Если коротко, то я могу сказать, что в 91-м году, в 2004-м, в 2013-14-м, это были нормальные украинцы. Все остальные - они или не украинцы, или не нормальные. Потому что люди, которые идентифицировали себя, как настоящие украинцы, не могут сидеть и смотреть на все, что происходит. И они выходили на улицу, и становились частью общего движения, и, в принципе, это было рождение новой Украины.

Какое значение отыграли очередные протесты в эволюции украинского общества?

Мы сейчас видим, что это - составная часть общей истории Украины. Оно сыграло те же самые процессы, как и крещение Украины - Руси, и как казацкая республика, и, как дальше мы видим, что вот эти грандиозные все моменты - Украинская Народная Республика, и Холодноярская - все это звенья одной цепи. То есть это все объединило людей и историю. И теперь нам не надо больше ничего читать, открывать. Мы все уже для себя открыли. Мы знаем, что делаем.